

В. Г. Короленко

Разговор с Толстым.

Максимализм и государственность

В. Г. Короленко. Собрание сочинений в десяти томах.

Том восьмой. Литературно-критические статьи и воспоминания. Исторические очерки
М., ГИХЛ, 1955

Подготовка текста и примечания С. В. Короленко

OCR Бычков М. Н.

В том же 1902 году мне пришлось побывать в Крыму, и я не упустил случая посетить Толстого, который лежал тогда больной в Гаспре. Чехов и Елпатьевский, оба писатели и оба врачи, часто посещали Толстого и рассказывали много любопытного об его настроении.

Чувствую, что мне будет не легко сделать последующее вполне понятным для моих читателей из народа. Толстой в одной черте своего характера отразил с замечательной отчетливостью основную разницу в душевном строе интеллигентных людей и народа, особенно крестьянства. Сам -- великий художник, создавший гениальные произведения мирового значения, переведенные на все языки, -- он лично, как человек, легко заражался чужими настроениями, которые могли овладеть его воображением.

Это вообще наша черта, черта интеллигентных людей. Жизнь намеревается сделать из нас, по окончании образования, помещиков, или чиновников, или инженеров, вообще людей, служащих известному строю. Но самый этот строй стоит в слишком разительном противоречии с тем, что порождает в душах честная и просвещенная мысль. От этого у нас сын помещика нередко отрицает право частной собственности на землю, а сын чиновника презирает и ненавидит чиновничество. Отсюда же постоянный разлад между мыслью и жизнью. Мысль -- это начало действия, и она влечет молодежь в одну сторону, а жизнь и практические требования выгоды -- в другую. В большинстве случаев жизнь берет свое, и, пройдя бурный период молодых увлечений, большинство образованных молодых людей вступают на торную дорогу и понемногу свыкаются с ней. Но в душе, как лучшие воспоминания, навсегда остается след молодых, наивных, полных неопытности, но светлых и бескорыстных неклассовых "ошибок юности".

Толстой в высокой степени умел отражать в своих произведениях эту черту интеллигентной души, ищущей правды среди признанной неправды жизни. Пьер Безухов в "Войне и мире", Левин в "Анне Карениной", много других лиц в разных рассказах -- все это люди мятущиеся, чувствующие душевный разлад, ищущие правды и, как сам Толстой, тоскующие о душевном строе, цельном и без разлада между мыслью и делом. Такой душевный строй мы называем "непосредственностью". У Толстого всю жизнь была тоска о непосредственности.

Такого разлада не знает простой народ. Он жил века в угнетении, долго "все терпел во имя Христа", трудился и надеялся, совсем не задумываясь над причинами общественного неурядища, все приписывая судьбе. Толстой всегда завидовал этому душевному состоянию простых людей. Еще в молодости он преклонялся перед иными крестьянами до такой степени, что одно время старался подражать работнику Юфану даже в движениях. Потом, уже став великим писателем, угадывал и заражался настроениями простых душ. В "Войне и мире" он изобразил солдата Каратаева, который совсем не умеет выразить своих мыслей, но который казался ему воплощением глубокой мудрости. Толстой успел внушить это свое преклонение перед народной непосредственностью читателям и критикам, и одно время "каратаевщина" служила выражением глубокой народной мудрости. То же нужно сказать об Акиме Простоте во "Власти тьмы", который не может вылучить своей мысли из корявой оболочки: "таё, таё", но устами которого тоже говорит высшая мудрость народа.

Эта способность заражаться народными настроениями определяла крупнейшие повороты во взглядах самого Толстого. В "Войне и мире", изучая историю отечественной войны, он проникся настроением борьбы за отечество до такой степени, что почти оправдывал убийства партизанами пленных. Потом его стала привлекать смиренная народная вера, и от нее он перешел к первобытному христианству. Отсюда его теория о непротавлении. Нельзя противиться злу насилием, хотя бы даже